

07.00.02. Отечественная история

УДК 908

DOI 10.22311/2074-1529-2021-17-4-113-130

Н. В. Кратова

Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт, г. Черкесск

ИСЛАМ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

КРАТОВА Наталья Васильевна —

канд. ист. наук, доц., вед. науч. сотр.

Отдела истории народов КЧР.

Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт при Правительстве КЧР

(369000, Россия, КЧР, г. Черкесск, ул. Горького, 1-а).

E-mail: nvkratova@mai.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме развития ислама на территории Карачаево-Черкесии в годы советской власти. На раннем этапе советской власти декларируемый атеизм не мешал большевикам использовать религиозный фактор для привлечения симпатий населения. Провозглашалась общность ислама и большевизма в отношении социального равенства и справедливости, некоторое время сохранялась система шариатского судопроизводства. По мере укрепления своих позиций большевики перестали нуждаться в союзниках, религиозная инфраструктура была уничтожена, а духовенство, в том числе исламское, подверглось репрессиям. Однако в условиях Великой Отечественной войны, когда возникла необходимость в формировании патриотических настроений, религия вновь заняла свое, пусть и ограниченное, место в общественной жизни. Именно здравая политика, проводимая региональными властями в отношении ислама в 1980-е годы, позволила успешно противостоять натиску религиозного экстремизма, обрушившегося на страну в постсоветский период, и выстроить практически с нуля религиозную инфраструктуру.

Ключевые слова: история религии, ислам, мусульмане, государственно-конфессиональные отношения, государственно-конфессиональная политика, Карачаево-Черкесия.

Для цитирования: *Кратова Н. В.* Ислам на территории Карачаево-Черкесии в советский период // Ислам в современном мире. 2021; 4: 114–130;

DOI 10.22311/2074-1529-2021-17-4-114-130

Статья поступила в редакцию: 16.08.2021

Статья принята к публикации: 01.11.2021

История ислама в Карачаево-Черкесии как самостоятельная научная дисциплина представляет большой интерес для исследователей, однако изучена, безусловно, не в полной мере. Дореволюционная и советская историография касались этой темы в основном в связи с описанием жизни и быта проживающих здесь народов¹. В постсоветский период интерес к республике оживился, но проблемы ислама рассматривались в контексте этнополитических процессов, протекающих в Северо-Кавказском регионе. В этом отношении следует отметить информационно-аналитические издания Института этнологии и антропологии РАН, Кестонского института², работы по вопросам противодействия идеологии терроризма и экстремизма³, этнологические, этнополитические и культурологические исследования⁴, общие работы по исламу в России и на Северном Кавказе⁵.

В кандидатской диссертации О. Е. Марченко показано состояние исламского духовенства на Северо-Западном Кавказе и Степном Предкавказье⁶.

¹ См.: *Авксентьев А. В.* История изучения ислама на Северном Кавказе // *Некоторые вопросы кавказоведения*. Вып. 1. Ставрополь, 1971. С. 3–100.

² Пути мира на Северном Кавказе: независимый экспертный доклад / под ред. В. А. Тишкова. М., 1999; *Атлас современной религиозной жизни России*. Т. 1 / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб., 2005.

³ *Бережной С. Е., Добаев И. П., Крайнюченко П. В.* Ислам в современных республиках Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2002; *Их же.* Ислам и исламизм на юге России. Ростов н/Д, 2003. *Добаев И. П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003. *Бережной С. Е.* Исламский фундаментализм на Юге России. Дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2004.

⁴ *Маркедонов С. М.* Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политической жизни Кавказского региона. М., 2005. *Червоная С. М.* Тюркский мир Юго-Восточной Европы. Крым–Северный Кавказ. Берлин, 2000; *Ее же.* Современное исламское искусство народов России. М., 2008; *Куначева Ф. Г.* Религиозные воззрения абазин (с древнейших времен до наших дней). М., 2006.

⁵ *Малашенко А. В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.

⁶ *Марченко О. Е.* Мусульманское духовенство Северо-Западного Кавказа и Степного Предкавказья в системе государственно-конфессиональных отношений в 1920–1930-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.

Заявленной проблеме посвящен и ряд публикаций автора¹.

В настоящей статье мы рассмотрим, как развивался ислам на территории Карачаево-Черкесии в годы советской власти. Источниковую базу составляют документы и материалы, содержащиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Ростовской области (ГАРО), Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики (ГАКЧР), Центра документации новейшей истории Карачаево-Черкесской республики (ЦДНИКЧР), документы Уполномоченного главы КЧР по связям с религиозными организациями, а также полевой материал автора.

В начале XX века ислам уже был неотъемлемой частью культуры народов Карачаево-Черкесии. Трансляция исламских ценностей осуществлялась посредством собственных религиозных институтов и местного духовенства. Знатоки ислама занимали важное место в социальной иерархии и являлись частью местной элиты. Ислам стал неотъемлемой частью сознания народов Карачаево-Черкесии. В то же время исламское право не вытеснило до конца систему адатов и сосуществовало параллельно с традиционными регулятивными системами. Исламские концепции государственного устройства и вовсе не получили заметного распространения у народов Карачая и Черкесии.

Установление в регионе советской власти вначале не ухудшило жизнь мусульман. Пытаясь заручиться поддержкой местного населения в условиях неухабавшего гражданского противостояния, большевики на первых порах старались не затрагивать религиозных чувств верующих.

Более того, в начале двадцатых годов предпринимались серьезные попытки использовать исламское вероучение для пропаганды коммунистической идеологии среди местного населения.

В этом отношении показательны решения, принятые на Съезде магометанского духовенства, который проходил в г. Баталпашинске 28 января 1923 года².

Сам съезд был весьма примечательным событием, поскольку в его работе участвовали видные просветители, пользовавшиеся большим авторитетом.

Председательствовал на съезде Исмаил Акбаев, известный в народе как Чокуна-апенди. Исмаил Якубович имел хорошее образование,

¹ Кратов Е. В., Кратова Н. В. «Анкеты на служителей религиозного магометанского культа» как источник по истории государственно-конфессиональной политики Советского государства во второй половине 1920-х годов в Карачаевской автономной области // Гуманитарная мысль Юга России. 2006. № 2; Их же. Ислам в Карачаево-Черкесской Республике. М., 2008.

² Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (далее ГАКЧР). Ф. Р-66. Оп. 1. Д. 2. Л. 42–42 об.

был одним из составителей алфавита карачаевского языка на основе арабской графики и автором первого карачаево-балкарского букваря «Ана тили» («Родная речь»).

В съезде принимал участие и Татлустан Табулов, также один из самых образованных людей своего времени, в будущем — разработчик алфавитов для черкесского и абазинского языков, автор черкесских и абазинских букварей, учебников и хрестоматий.

Неудивительно, что съезд избрал И. Акбаева и Т. Табулова в состав учрежденного на съезде Духовного управления КЧАО — первой официальной мусульманской духовной структуры в Карачаево-Черкесии. Вместе с ними в Духовное управление вошли Махмут Найманов, Нух Озов, Абдул-Керим Халкечев, Хаджи-мурза Эркенов, Мусса Байрамуков, Асхад Алтадуков. Были также избраны «кандидаты» в члены Духовного управления: Юсуф Макушеков, Докаман Дайганов, Адрис Психомахов.

Принятые на съезде решения — хороший пример попытки найти подтверждение марксистских идеологем в исламе и под предлогом борьбы с его искажениями провести важные социальные преобразования: внедрить всеобщее образование, направить предусмотренные шариатом денежные сборы — закят, ушур, фитр и др. — на помощь беднейшему населению, преодолеть межнациональную вражду. «Пророком была объявлена борьба против капитала, — говорилось в резолюции съезда, — и через тринадцать веков эта идея пророка совпала с идеями Советской власти».

Большое внимание в принятой резолюции было уделено правам женщины. Духовенству предписывалось «бороться против того ложного взгляда, что якобы Коран не разрешает учения женщин». Было решено, что «брак должен заключаться по обоюдному согласию брачующихся». Многоженство запрещалось (в виде исключения все же допускалось иметь вторую жену с согласия первой, если она «не соответствовала своему назначению»). Съездом «категорически» запрещались похоронные и свадебные адаты, сопровождающиеся «колоссальными расходами». Фиксировался размер калыма (одна корова или десять овец), который предлагалось рассматривать как подарок, а не выкуп, «нарушающий равноправие». Подлежали искоренению свадебные обычаи затворничества, воздержания от разговора, непроизнесения имени, снятия покрывала. Запрещалось проведение поминок на 7-й, 40-й и 50-й день похорон³.

Принятые на съезде решения определили направления, на которых сосредоточивалась работа органов власти и исламского духовенства в последующие годы, вплоть до 30-х годов, когда были развернуты тотальные репрессии против духовенства.

³ ГАКЧР. Ф. Р-66. Оп.1. Д. 2. Л. 42–42 об.

*Состояние ислама на территории
Карачаевской и Черкесской автономных областей в 1927 г.¹*

Область	Процент мус-го населения	Кол-во мечетей до 1917 г.	Кол-во мечетей в 1927 г.	Кол-во дух-ва	Кол-во низших мус. школ	Кол-во уч-ся	Кол-во средних мус. школ	Кол-во уч-ся
КАО	97,5	48	63	248	3	25	9	49
ЧАО	99,9	53	55	179	5	75	8	51
ИТОГО		101	118	427	8	100	17	100

Как видно из таблицы, за послереволюционное десятилетие количество мечетей даже несколько увеличилось, функционировали религиозные школы, имелся достаточно большой штат мусульманского духовенства, состоявший преимущественно из местных жителей².

Духовенство являлось наиболее грамотной прослойкой населения. Собранные в 1928 году анкеты наглядно показывают, насколько образованно было духовенство Карачая в это время. Арабский язык знали 94% имамов. Образование они получали, обучаясь в мектебах (51%) и занимаясь у мулл (29,5%). Учились в основном на родине, но многие выезжали получать знания за пределы области. Так, 13,6% обучались в Терской области (в основном в Кабарде), 8% — в Дагестане. Зафиксирован случай, когда один из алимов, получив базовое образование в Кабарде, продолжил учебу в Константинополе (Стамбуле)³.

Конечно же, это было непростое время для мусульман Карачая и Черкесии. Достаточно сложной проблемой оказалось традиционное использование для регулирования общественных отношений норм шариата и адата, а также функционирование на их основе шариатских судов параллельно со светскими судами.

В феврале 1921 года проблема совмещения светского и религиозного судопроизводства обсуждалась на краевом совещании деятелей юстиции Юго-Востока России. Совещание признало, что «шариатский суд основан на частной собственности, брачное право, суд мулл находятся в полном противоречии с принципами советского права». Кроме того, использование для делопроизводства арабского языка затрудняло

¹ Составлено авторами на основании данных: Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 59; Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 161. Л. 3; Д. 162. Л. 3.

² Кратов Е. В., Кратова Н. В. «Анкеты на служителей религиозного магометанского культа» как источник по истории государственно-конфессиональной политики советского государства во второй половине 1920-х годов в Карачаевской автономной области. С. 63, 65.

³ Там же. С. 65.

контроль за деятельностью шариатских судов. Неудивительно, что очень скоро ведение судов по шариату было прекращено, повсеместно стали действовать народные суды, используя в своей деятельности советское законодательство без ссылок на шариат и адат. Духовенство могло привлекаться только для бракоразводных дел¹.

В то же время спустя два месяца на Учредительном съезде Горской АССР 21 апреля 1921 года была принята резолюция «О введении шариатского судопроизводства», диаметрально противоположная принятым на февральском совещании решениям. Настоящей резолюцией в округах ГАССР с мусульманским населением разрешалось вводить шариатские суды, которые должны были функционировать параллельно с народными судами. В резолюции оговаривались условия, при которых могло осуществляться судопроизводство на основе шариата. Шариатские суды должны были подчиняться Наркомюсту, в котором создавался шариатский отдел. Его заведующий являлся одновременно заместителем народного комиссара. В округах, наряду с бюро юстиции, должны были также создаваться шариатские отделы. Для изучения исламской правовой системы (*фикха*) и подготовки специалистов по исламскому праву предлагалось создать Восточный институт.

На съезде было принято решение предоставить лояльному советской власти мусульманскому духовенству (муллам) право участвовать в выборах, что, по большому счету, противоречило 65-й статье Конституции РСФСР 1918 года, согласно которой «не избирают и не могут быть избранными... монахи и духовные служители церквей и религиозных культов»².

Предложенная на съезде система действительно функционировала некоторое время. В 1920–22 годах в советских органах юстиции Карачаевского округа имелись специалисты по шариату³.

Совершенно очевидно, что такие уступки были вынужденной мерой, и впоследствии судебное двоевластие было ликвидировано, а мусульманское духовенство разделило участь служителей других конфессий. Однако в начале двадцатых предпринимались серьезные попытки использовать исламское вероучение для пропаганды коммунистической идеологии среди местного населения.

Непростая ситуация возникла в связи с обложением имамов налогами. В целом для страны было характерно репрессивное налогообложение духовенства. В январе 1925 года Налоговым управлением Наркомфина было даже выпущено «Циркулярное письмо», в котором местным финансовым органам предписывалось не завышать доходы

¹ Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Ф. 3758. Оп. 1. Д. 157. Л. 17 об.

² ГАКЧР. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.

³ Бурлаков И. Ш-Б. К становлению шариатского суда в Карачае // Ислам и право в России. Вып. 2. М., 2004. С. 39.

духовенства при обложении их налогом и не увеличивать без оснований арендную плату за землю и налоги на церковные здания¹. На Кавказе обычно складывалась обратная ситуация. В исполкомы постоянно поступали обращения освободить духовенство от налогов. Власти Адыгеи пытались добиться соответствующего разрешения от краевых и союзных органов, а в Ингушетии имамов освободили от налогов без всяких согласований. В Карачаево-Черкесии позиция была ближе к общесоюзным тенденциям. Достаточно жестко было решено: «Отмене налога считать невозможной». Рекомендовался лишь «персональный подход в обложении мусульманского духовенства в зависимости от имущественного положения»². 6 апреля 1925 года этот вопрос был вынесен на обсуждение Национальной комиссии, после чего Бюро Северо-Кавказского крайкома приняло постановление, в котором обложение мусульманского духовенства подоходно-имущественным налогом было признано несвоевременным. Однако обложение единым сельскохозяйственным налогом было пока оставлено³.

Со второй половины 1920-х начинают усиливаться репрессивные тенденции. Постановлением Северо-Кавказского крайисполкома № 139 от 13 ноября 1925 г. предписывалось составить списки и принять на учет всех представителей духовенства⁴.

После 1927 года положение исламского духовенства в Карачаевской и Черкесской автономных областях стало резко ухудшаться.

14–16 июня 1927 состоялся Пленум Национальной Комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). На повестку дня был вынесен вопрос о положении дел в областях края с мусульманским населением. Обсуждалось экономическое состояние исламского духовенства, а также ситуация в религиозных школах⁵. В итоговой резолюции отмечалось негативное влияние исламского духовенства на развитие «горских народностей». Чтобы лишить духовенство доходов, предлагалось передать закат, основной источник бюджета мечети, в пользу аульских Комитетов крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ). В пример ставился опыт Кабардино-Балкарии. Здесь за счет заката купили тракторы и помогли малоимущим. Также ставилась задача ограничить количество учащихся в арабских школах и активно развивать светские школы. Предлагалось активизировать атеистическую пропаганду, повысить партийную дисциплину, и вовлечь в социальную жизнь горянок⁶.

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 14. Л. 503.

² Там же. Д. 25. Л. 99.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 113. Л. 5.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 15. Л. 436.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 37–66.

⁶ Там же. Л. 25–30.

В 1927–1928 году Оргбюро ЦК ВКП(б) неоднократно рассматривало вопросы атеистической работы¹.

Результатом принятых мер стало прекращение сбора заката в КАО и ЧАО². Поступления в ККОВы существенно выросли. В начале 1927 года в КАО насчитывалось три десятка ККОВов, денежный фонд которых составлял 8550 рублей, а натуральный — 360 пудов. За год появилось 9 новых комитетов, бюджет вырос до 22 527 рублей, а натуральный фонд — до 16 801 пуда. Аналогично ситуация развивалась в ЧАО³.

Успешно проходила и борьба с религиозным образованием. В Карачаевской автономной области силами ОГПУ из 22 мусульманских школ в течение года были закрыты 19! А численность учащихся сократилась со 157 до 16, то есть в 10 раз. В ЧАО складывалась аналогичная ситуация: из 17 школ со 123 учащимися к концу 1927 года осталось всего 6 примечетских школ, в которых училось полсотни учеников⁴.

Другой мерой, направленной на подрыв влияния исламского духовенства стало «прогрессивное движение», аналог православного «обновленчества». Мусульманские «обновленцы» говорили об общности ислама и коммунизма, ратовали за упрощение религиозного культа и активно поддерживали новые социальные инициативы — равноправие женщин, развитие светского образования, отказывались от заката и выступали против тарикатизма. Много последователей «прогрессивного движения» было в Адыгее. В КАО насчитывалось 19 «прогрессистов», и 20 — в ЧАО. Власти оказывали этому движению всяческое содействие, а традиционное духовенство подвергалось преследованиям. В Черкесской автономной области в 1927 году арестовали 9 имамов, пятеро были высланы⁵. Несмотря на мощную административную поддержку, верующие и духовенство знали об этом движении мало и не разделяли его идей⁶.

Репрессии тридцатых не обошли регион стороной, мечети закрывались, духовных лиц репрессировали. В течение 1934 года в КАО было закрыто 27 из 58 культовых зданий, а в ЧАО — 58 культовых сооружений из 62-х⁷.

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 67–72; ЦК РКП(Б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 500–503; 537–538.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 61.

³ ЦК РКП(Б)-ВКП(б) и национальный вопрос. С. 553–554.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 629, 630, 632; ЦК РКП(Б)-ВКП(б) и национальный вопрос. С. 553–554.

⁵ Там же. С. 554.

⁶ Кратов Е. В., Кратова Н. В. «Анкетные на служителей религиозного магометанского культа» как источник по истории государственно-конфессиональной политики советского государства во второй половине 1920-х годов в Карачаевской автономной области. С. 67.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 161. Л. 3; Д. 162. Л. 3.

Гонения вытеснили ислам на периферию жизни общества, сведя его функции до семейной обрядности. Тем не менее ислам продолжал оставаться важным элементом самосознания жителей региона.

Во время Великой Отечественной войны мусульманские организации Карачаево-Черкесии заняли патриотическую позицию. Газета «Красный Карачай» писала, что верующие а. Терезе Малокарачаевского района принимают самое энергичное участие в восстановлении хозяйства аула, разрушенного немцами, и в оказании помощи Красной Армии путем сбора средств, продуктов и теплых вещей¹.

В апреле 1943 года верующие а. Псыж обратились ко всем верующим мусульманам Черкесии «объединить все свои усилия для полного разгрома ненавистного врага» и поддержать «благородное и святое дело помощи Красной Армии». На строительство танковой колонны «Ставропольский колхозник» верующие аульчане внесли по 1000 рублей².

В 1944 году, после освобождения региона от немецко-фашистских захватчиков, мечети вновь открылись. В аулах Псыж и Икон-Халк мусульманские общины были зарегистрированы в 1945 году; в аулах Абаза-Хабль, Бесленей, Эркин-Юрт, Эрсакон, Инжи-Чишхо, Новокувинском (это религиозное общество объединяло верующих трех аулов — Вако-Жиле, Старокувинский, Новокувинский) — в 1946 году; в ауле Хумара — в 1947 году³. Все зарегистрированные общины входили в юрисдикцию Духовного управления мусульман Северного Кавказа, образованного в 1944 году, и подчинялись кадию по Ставропольскому краю.

С 1957 года в Карачаево-Черкесии начался новый виток антирелигиозной кампании. Соответствующую задачу поставило Бюро Обкома КПСС КЧАО. Состояние идеологической работы обсуждалось на VIII Пленуме Карачаево-Черкесского Обкома КПСС, который состоялся 14 ноября 1957 года⁴.

Несмотря на жесткие установки партийных органов, снижения уровня религиозности в этот период не произошло прежде всего в исламском сообществе. По данным на 1957 год, в КЧАО действовало уже 15 мечетей: в аулах Псыж, Кара-Паго, Бесленей, Инжи-Чишхо, Эрсакон, Вако-Жиле, Новокувинск, Эркин-Халк, Эркин-Юрт, Икон-Халк, Апсуа, Абаза-Хабль, Адыге-Хабль, Красный Восток, Хумара⁵.

¹ Газета «Красный Карачай». 1943. 13 октября.

² Там же. 1943. 2 апреля.

³ Личный архив авторов (далее ЛАА). Регистрационные дела мечетей в аулах Эркин-Юрт, Инжи-Чишхо, Псыж, Новокувинский, Икон-Халк, Абаза-Хабль, Эрсакон, Хумара, Бесленей (копии).

⁴ Центр документации Новейшей истории Карачаево-Черкесской Республики (далее ЦДНИКЧР). Ф. П-1. Оп. 8. Д. 7. Л. 33–34.

⁵ Там же. Д. 18. Л. 135–136.

Верующим либо возвращались бывшие мечети, либо выделялись другие помещения, которые приспособливались для молитвы. Началось также строительство новых на средства верующих. Так, в ауле Абаза-Хабль Адыге-Хабльского района верующие собирали с каждого двора по 10 кг зерна. Местные власти этому не препятствовали. Иногда даже оказывали верующим помощь. Например, в уже упомянутом ауле Абаза-Хабль заместитель председателя колхоза Шумахов выделил на строительство мечети из колхозной кладовой 10 кг гвоздей¹.

К 1957 увеличилось и количество верующих, посещающих мечети и церкви. К духовенству обращались за помощью по совершенно разным поводам. Например, в августе 1959 года 250 верующих а. Сары-Тюз Усть-Джегутинского района КЧАО под руководством эфенди в связи с засухой организовали на берегу реки молебен с жертвоприношением².

После 1957 года, когда из депортации на родину возвратились карачаевцы, встал вопрос об открытии мечетей в местах их компактного проживания, прежде всего в Нижней Теберде, Учкулане, Новом Карачае и Кумыше³. Однако власть заняла жесткую позицию: в регистрации мечетей в карачаевских поселениях категорически отказывалось. Такая неуступчивость вынуждала верующих прибегать к неправовым методам: в обход властей в 1958 году в ауле Учкулан под мечеть был приспособлен заброшенный дом. Здание бывшей мечети в ауле Верхняя Теберда также было занято без всяких согласований⁴. Впрочем, такие действия были исключением. Вплоть до конца XX века обычной практикой у всех народов Карачаево-Черкесии было проведение намазов в домиках при кладбищах, где хранился похоронный инвентарь.

В 1961–1965 гг. Советом Министров СССР, союзными министерствами и ведомствами были приняты различные акты, определяющие порядок налогообложения и пенсионное обслуживание рабочих и служащих религиозных организаций, утвержден перечень лиц, работающих в религиозных организациях, на которых распространялось законодательство о труде, и некоторые другие документы. Во всех означенных актах отчетливо проявилась линия на сдерживание деятельности верующих и обществ, на создание дополнительных возможностей и условий для местных органов власти и иных организаций и ведомств, заинтересованных в реализации этой линии.

¹ ЦДНИКЧР. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 18. Л. 139.

² Там же. Д. 485. Л. 90.

³ Там же. Д. 18. Л. 139.

⁴ Там же. Д. 501. Л. 16.

В хрущевский период в Карачаево-Черкесской автономной области, как и по всей стране, давление на религиозную сферу было особенно жестким, регистрация новых общин не допускалась, долгое время в области действовало всего 15 мечетей. Результатом стало вытеснение религиозной жизни за рамки правового поля и рост количества общин, действовавших без регистрации. Причем их количество превышало численность зарегистрированных мечетей. Если в 1960-м соотношение зарегистрированных и нелегальных мечетей было 15 к 10, то в 1976 году оно уже составляло 16 к 49. То есть на одну официальную мечеть приходилось три действовавших без регистрации, полуподпольно¹. Имелись и незарегистрированные самозванные, «бродячие» эфенди, которые выполняли религиозные обряды, главным образом похороны умерших. Всего в области таких служителей культа насчитывалось свыше 50 человек.

Следует подчеркнуть, что незарегистрированные группы действовали вполне открыто, проводили намазы, в том числе и коллективные во время похорон и праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам². Похороны проводились в строгом соответствии с нормами шариата. Несмотря ни на какие запреты партийных органов, проводилась читка Корана, джаназа-намаз и дуа по покойному. Члены КПСС могли не совершать дуа, но и не препятствовали совершению намаза. Более того, иногда представители власти использовали собрания верующих для оглашения какой-либо информации. Например, в а. Каменномост председатель сельского Совета т. Хасанов в июне 1960 года на собрании верующих по случаю Курман-байрама выступил с призывами усилить сдачу молока государству. На вопрос о необходимости такого поступка т. Хасанов ответил: «А что поделаешь, иначе их не соберешь!»³

С конца 1960-х религиозная жизнь в мусульманской среде активизировалась. В отчетах уполномоченного Совета по делам религии по Ставропольскому краю особая активность верующих отмечалась в дни уразы и праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам, когда намаз проводился не только в мечетях, но и на кладбищах, лесных полянах, у реки.

Об увеличении религиозности мусульманского населения наглядно свидетельствовал уровень доходов обществ. В 1970 году доход 15 зарегистрированных исламских религиозных групп составил 5657 рублей, в то время как в 1962 году он составлял всего 1324 рубля⁴.

¹ ЦДНИКЧР. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 501. Л. 15; Архив Уполномоченного Президента КЧР по связям с религиозными организациями. Записка «О неудовлетворительном выполнении в области советского законодательства о религиозных культах», 19 января 1977 г.

² ЦДНИКЧР. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 501. Л. 17.

³ Там же. Д. 489. Л. 41, 42.

⁴ Там же. Оп. 19. Д. 32. Л. 5.

Об уровне религиозности мусульманского населения также свидетельствовал рост количества животных, принесенных в жертву прихожанами официально действующих мечетей. При этом отмечалось, что учесть количество забитого в эти дни скота в незарегистрированных религиозных группах не представлялось возможным, т. к. исполкомы районных Советов депутатов трудящихся не передавали данных по этому вопросу или передавали явно заниженные сведения.

Широко была распространена благотворительность. Почти все эфенди имели списки лиц, нуждающихся в помощи.

В 15 зарегистрированных мусульманских обществах, имеющих свои мечети и служителей культа, состояли около 2500 верующих, регулярно посещающих мечети и принимающих участие в намазах.

В 1980-е ситуация изменилась — политика властей в религиозной сфере стала более либеральной. В Карачаево-Черкесской автономной области была учреждена должность уполномоченного Совета по делам религий по КЧАО, на которую был назначен Н. Г. Проваторов. После анализа ситуации в религиозной сфере он предложил увеличить количество мечетей и духовенства. В своей записке на имя руководства области он предложил зарегистрировать 7 мусульманских общин и 49 служителей культа и их помощников¹. В июле 1981 года предложения Проваторова обсуждались на заседании облисполкома и были поддержаны. В 1982 году в КЧАО действовало уже 19 мечетей, а в 1989-м — 26 официальных мечетей². Стали открыто проводиться собрания мусульманского духовенства, обсуждаться важные для верующих вопросы. В результате произошло снижение числа нелегальных общин и эфенди, улучшилось отношение верующих к власти³.

В таких условиях появилась возможность направлять молодых мусульман для получения исламского образования в медресе «Мир-и Араб» в Бухару и Исламский институт имени имама Бухари в Ташкент. Среди выпускников этих учебных заведений Абулкерим Байрамуков, Абубекир Курджиев, Исмаил Бостанов, Исмаил Бердиев. Все они много сделали для возрождения ислама в регионе. А. Байрамуков долгое время возглавлял джамагат в г. Карачаевске, А. Курджиев был имамом

¹ ЛАА. Записка «Об упорядочении сети религиозных обществ и служителей культа». Январь 1981 г.

² ЛАА. Отчет о деятельности религиозных обществ и состоянии религиозной обстановки в КЧАО за 1982 год; Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1988–1989 годы.

³ ЛАА. Протокол собрания духовенства (эфенди, муадзинов) и религиозного актива (председателей исполкомов и ревизионных комиссий) всех зарегистрированных мечетей КЧАО и Ставропольского края с участием представителей ДУМСК. 12 мая 1981 г., с. Кумыш; Протокол совещания мусульманского духовенства и религиозного актива зарегистрированных мечетей КЧАО и Ставропольского края. 28 октября 1981 г., г. Усть-Джегута; Протокол семинара-совещания актива религиозных обществ мусульман КЧАО и Ставропольского края. 22 июня 1982 г.

г. Кисловодска, оба погибли от рук террористов в 2006 году. И. Бостанов — первый ректор Карачаево-Черкесского исламского института имени имама Абу Ханифы, кадий Духовного управления мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя, был расстрелян террористами в 2009 году, когда возвращался из мечети вместе с малолетним сыном. Исмаил Бердиев с 1989 года является бессменным муфтием Карачаево-Черкесии, а с 2001 года — председателем Координационного центра мусульман Северного Кавказа.

Отказ от проведения репрессивной политики в религиозной сфере позволил властям наладить конструктивные отношения с исламской общиной области. Результатом проведенной в 1980-е годы работы стало потепление отношений между властями и верующими. Появился опыт диалога, обсуждения насущных вопросов как внутри общины, так и в отношениях с государством. Именно в 1980-е годы в Карачаево-Черкесии сформировался корпус профессионального мусульманского духовенства, благодаря которому удалось успешно противостоять натиску религиозного экстремизма, захлестнувшего регион в девяностые.

Эпоха перестройки кардинально изменила отношение к религии в советском обществе. С 1987 года началась активизация религиозной жизни. В январе 1988 года вышло постановление Совета по делам религий, в котором властям предписывалось без проволочек удовлетворять все правомерные просьбы верующих, чтобы не создавать конфликтных ситуаций и не дискредитировать перестройку в их глазах. А в 1990 году были приняты союзный и российский законы о свободе совести, и мусульманские общины Карачаево-Черкесии вошли в совершенно новую, демократическую эпоху.

Литература

Авксентьев А. В. История изучения ислама на Северном Кавказе // Некоторые вопросы кавказоведения. Вып. 1. Ставрополь, 1971. С. 3–100.

Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1. / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб., 2005. 621 с.

Бережной С. Е. Исламский фундаментализм на Юге России: политологический анализ. Дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2004. 170 с.

Бережной С. Е., Добаев И. П., Крайнюченко П. В. Ислам в современных республиках Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2002. 165 с.

Бережной С. Е., Добаев И. П., Крайнюченко П. В. Ислам и исламизм на Юге России. Ростов н/Д, 2003. 229 с.

Бурлаков И. Ш.-Б. К становлению шариатского суда в Карачае // Ислам и право в России. Вып. 2. М., 2004. С. 35–40.

Газета «Красная Черкесия». 1943. 2 апреля.

Газета «Красный Карачай». 1943. 13 октября.

Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф. Р-66. Оп. 1. Д. 2; Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 2.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 161. Л. 3; Д. 162. Л. 3.

Государственный архив Ростовской области. Ф. 3758. Оп. 1. Д. 157; Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 14, 15, 25.

Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003. 414 с.

Кратов Е. В. Кратова Н. В. Ислам в Карачаево-Черкесской Республике М., 2008. 110 с.

Кратов Е. В., Кратова Н. В. «Анкеты на служителей религиозного магометанского культа» как источник по истории государственно-конфессиональной политики Советского государства во второй половине 1920-х годов в Карачаевской автономной области // Гуманитарная мысль Юга России. 2006. № 2. С. 59–68.

Куначева Ф. Г. Религиозные воззрения абазин (с древнейших времен до наших дней). М., 2006. 143 с.

Личный архив автора. Регистрационные дела мечетей в аулах Эркин-Юрт, Инжи-Чишхо, Псыж, Новокувинский, Икон-Халк, Абаза-Хабль, Эрсакон, Хумара, Бесленей (копии); Записка «О неудовлетворительном выполнении в области советского законодательства о религиозных культах», 19 января 1977 г.; Записка «Об упорядочении сети религиозных обществ и служителей культа». Январь 1981 г.; Отчет о деятельности религиозных обществ и состоянии религиозной обстановки в КЧАО за 1982 год; Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1988–1989 годы; Протокол собрания духовенства (эфенди, муадзинов) и религиозного актива (председателей исполорганов и ревизионных комиссий) всех зарегистрированных мечетей КЧАО и Ставропольского края с участием представителей ДУМСК. 12 мая 1981 г., с. Кумыш; Протокол совещания мусульманского духовенства и религиозного актива зарегистрированных мечетей КЧАО и Ставропольского края. 28 октября 1981 г., г. Усть-Джегута; Протокол семинара-совещания актива религиозных обществ мусульман КЧАО и Ставропольского края. 22 июня 1982 г.

Малашенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. 180 с.

Маркедонов С. М. Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политической жизни Кавказского региона: учеб. пособие. М., 2005. 379 с.

Марченко О. Е. Мусульманское духовенство Северо-Западного Кавказа и Степного Предкавказья в системе государственно-конфессиональных отношений в 1920–1930-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 185 с.

Пути мира на Северном Кавказе: независимый экспертный доклад / под ред. В. А. Тишкова. М. 1999. 184 с.

Центр документации Новейшей истории Карачаево-Черкесской Республики. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 7, 18, 485, 489, 501; Оп. 19. Д. 32.

Центр документации Новейшей истории Ростовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 113, 595, 606.

ЦК РКП(Б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005.

Червонная С. М. Современное исламское искусство народов России. М., 2008. 549 с.

Червонная С. М. Тюркский мир Юго-Восточной Европы. Крым–Северный Кавказ. Берлин, 2000. 346 с.

References

Avksent'ev A. V. (1971). *Istoriya izucheniya islama na Severnom Kavkaze* [History of the Study of Islam in the North Caucasus]. *Nekotorye voprosy kavkazovedeniya*. Iss. 1. Stavropol. Pp. 3–100.

M. Burdo, S. Filatov (Ed.) (2005). *Atlas sovremennoj religioznoj zhizni Rossii*. [Atlas of Present-Day Religious Life in Russia]. Vol. 1. Moscow.

Berezhnoj S. E. (2004). *Islamskij fundamentalizm na Yuge Rossii*. [Islamic Fundamentalism in the South of Russia]. Rostov-on-Don.

Berezhnoj S. E., Dobaev I. P., Krajnyuchenko P. V. (2002). *Islam v sovremennyh respublikah Severnogo Kavkaza*. [Islam in the Present-Day Republics of the North Caucasus]. Rostov-on-Don.

Berezhnoj S. E., Dobaev I. P., Krajnyuchenko P. V. (2003). *Islam i islamizm na yuge Rossii*. [Islam and Islamism in the South of Russia]. Rostov-on-Don.

Burlakov I. Sh-B. (2004). K stanovleniyu shariatskogo suda v Karachae [The Establishment of Shari'a Court in Karachai]. *Islam i pravo v Rossii*. Iss. 2. Moscow.

Gazeta "Krasnaya Cherkesiya", 2 aprelya 1943 g. [The newspaper "Krasnaya Cherkesiya", April 2, 1943].

Gazeta "Krasnyj Karachaj", 13 oktyabrya 1943 g. [The newspaper "Krasny Karachay", October 13, 1943].

Gosudarstvennyj arhiv Karachaevo-Cerkesskoj Respubliki [State Archives of the Karachay-Cherkess Republic], coll. R-66, aids 1, fol. 2; coll. R-327, aids 1, fol. 2.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archives of the Russian Federation], coll. R-5263, aids 1, fol. 161, p.3; fol. 162, p. 3.

Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti [State Archives of the Rostov Region], coll.3758, aids 1, fol. 157; coll. R-1485, aids 1, fol. 14, 15, 25.

Dobaev I. P. (2003). *Islamskij radikalizm: genezis, evolyuciya, praktika*. [Islamic Radicalism: Genesis, Evolution, Practice]. Rostov-on-Don.

Kratov E. V. Kratova N. V. (2008). *Islam v Karachaevo-Cherkesskoj Respublike*. [Islam in the Karachay-Cherkess Republic]. Moscow.

Kratov E. V., Kratova N. V. "Ankety na sluzhitelej religioznogo magometanskogo kul'ta" kak istochnik po istorii gosudarstvenno-konfessional'noj politiki sovetskogo gosudarstva vo vtoroj polovine 1920-h godov v Karachaevskoj avtonomnoj oblasti ["Questionnaires for the Ministers of the "Religious Mohammedan Cult" as a Source on the History of the State-Confessional Policy of the Soviet State in the Second Half of the 1920s in the Karachay Autonomous Region]. *Gumanitarnaya mysl' Yuga Rossii*. 2006. Iss. 2.

Kunacheva F. G. (2006). *Religioznye vozzreniya abazin (s drevnejshih vremen do nashih dnei)* [Religious Views of the Abaza People (from Ancient Times to the Present Day)]. Moscow.

Lichnyj arhiv avtora [Personal archive of the author]. See the Russian version of the references.

Malashenko A. V. (2001). *Islamskie orientiry na Severnom Kavkaze*. [Islamic Landmarks in the North Caucasus]. Moscow.

Markedonov S. M. (2005). *Etnonacional'nyj i religioznyj faktor v obshchestvenno-politicheskoj zhizni Kavkazskogo regiona*. [Ethno-National and Religious Factor in the Socio-Political Life of the Caucasus Region]. Moscow.

Tishkov V. A. (1999). *Puti mira na Severnom Kavkaze: nezavisimyj ekspertnyj doklad* [Ways of Peace in the North Caucasus: an Independent Expert Report]. Moscow.

Centr dokumentacii Novejshej istorii Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki [Documentation Centre for the Contemporary History of the Karachay-Cherkess Republic]. Coll. P-1, aids 8, fol. 7, 18, 485, 489, 501; aids 19, fol. 32.

Centr dokumentacii Novejshej istorii Rostovskoj oblasti [Documentation Center for the Latest History of the Rostov Region]. Coll. 7, aids 1, fol. 113, 595, 606.

CK RKP(B)-VKP(b) i nacional'nyj vopros. Kniga 1. 1918–1933 gg. [Central Committee of the RCP (B) — CPSU and the “National Question”. Book 1. 1918–1933] (2005). Moscow.

Chervonnaya S. M. (2008). *Sovremennoe islamskoe iskusstvo narodov Rossii.* [Contemporary Islamic Art of the Peoples of Russia]. Moscow.

Chervonnaya S. M. (2000). *Tyurskij mir Yugo-Vostochnoj Evropy. Krym – Severnyj Kavkaz.* [The Turkic world of South-Eastern Europe, Crimea — North Caucasus]. Berlin.

ISLAM IN THE TERRITORY OF KARACHAY-CHERKESIA IN THE SOVIET PERIOD

Abstract: Based on a wide range of sources, this article shows the development of Islam on the territory of Karachay-Cherkessia during the Soviet period. In the first years of Soviet power, the declared atheism did not prevent the Bolsheviks from using the religious factor to attract the sympathy of the population. The commonality of Islam and Bolshevism in relation to social equality and justice was declared, and the system of Shari'a legal proceedings was preserved for some time. As their positions were strengthened, the Bolsheviks no longer needed allies, the religious infrastructure was destroyed, and the clergy, including the Islamic ones, were repressed. However, in the conditions of the Great Patriotic War, when the need arose for the formation of patriotic sentiments, religion again took its, albeit limited, place in public life. The sound policy pursued by the regional authorities with regard to Islam in the 1980s made it possible to successfully resist the onslaught of religious extremism that hit the country in the post-Soviet period and build a religious infrastructure practically from scratch.

Keywords: history of religion, Islam, Muslims, state-confessional relations, state-confessional politics, Karachay-Cherkessia.

Natalya V. KRATOVA,

Cand. of Sci. (Hist.), associate professor; leading researcher of the Department of the History of the Peoples of the KChR, Karachay-Cherkess Scientific Research Institute under the Government of the KChR (1a, Gorky Str., Cherkessk, KChR, 369000, Russian Federation).
E-mail: nvkratova@mai.ru

